

Религиоведение. 2022. № 4. С. 148–158.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 4. P. 148–158.

DOI: 10.22250/20728662_2022_4_148

Юсупов М.М.

Чеченский государственный университет
364034, Россия, г. Грозный, ул. Шерипова, 32
musa_y17@hotmail.com

Ценностное предпочтение «норм» в контексте правового плюрализма: на примере Чечни

Аннотация. В статье рассматривается ценностное отношение к правовым нормам в постконфликтном регионе. *Предмет исследования:* ценностное предпочтение норм разных правовых систем. *Цель:* выявить ценностное предпочтение норм во время регионального кризиса и конфликта. *Научная новизна* состоит в выявлении предпочтения различными группами населения норм обычного права, шариата, светского юридического права в контексте правового плюрализма

в условиях регионального кризиса и конфликта. *Метод:* в исследовании применялись социокультурный и конфликтологический подходы, методы социологического мониторинга, проведены социологические опросы в 1991, 2003, 2009, 2015, 2017, 2018 годах, произведена операционализация понятия «ценностное предпочтение норм». *Результаты:* Выбор типа правовых норм актуализируется во время кризиса, обострения социальных противоречий. Плюрализм рассматривается, как одновременное действие на территории разных правовых систем, даётся характеристика социально-историческим вехам ценностного отношения к нормам. Выявлена корреляция ценностного предпочтения норм с возрастом, образованием, раскрывается связь ценностно-правовых установок с приверженностью к традиции и модернизму, национально-традиционной и гражданской идентификации. В предпочтении правовых норм ключевой и определяющей признаётся ценность справедливости. Ценностное отношение к нормам рефлексивно, и во многом зависит от социальной практики, личного опыта. Изменение отношения к типам правовых норм соотносится с пережитой социальной практикой в предконфликтной и постконфликтной ситуации, колебания социологических показателей предпочтения правовых норм выражены в дуальной оппозиции «ожидание»-«разочарование». Перспектива исследования предполагает дальнейший мониторинг отношения к нормам и становления правовой культуры в регионе.

Ключевые слова: ценность, норма, право, закон, плюрализм, обычное право, ислам, шариат, справедливость

Musa M. Yusupov

Chechen State University
32 Sheripova Str., Grozny, 364034, Russia
musa_y17@hotmail.com

Value Preference for “Norms” in the Context of Legal Pluralism: By the Example of Chechnya

Abstract. The article examines the value preference for legal norms. *The subject of research:* the value preference of norms of different legal systems. *The aim* of the article is to identify the value preferences of norms during the regional crisis and conflict. *The scientific novelty* consists in identifying the preference of different groups of population for norms of customary law, Shariah, secular legal law in the context of legal pluralism in conditions of the regional crisis and conflict. The research used sociocultural and conflictological approaches, methods of sociological monitoring, sociological surveys were conducted, the concept of “value preference of norms” was operationalized. *Results:* Pluralism is considered as the simultaneous action on the territory of different legal systems, the socio-historical milestones of value preference for norms are characterized. The correlation of value preference of norms with age, education is revealed, the relationship of value-legal attitudes with adherence to tradition and modernism, national-traditional and civic identification is disclosed. In the preference of legal norms, the key and determining value is justice. The changes in attitudes towards the types of legal norms correlate with the socio-psychological state of the community in pre-conflict and post-conflict situations, and “expectation” – “disappointment” indicators are highlighted. The prospect of research assumes the further monitoring of attitude to norms and formation of legal culture in the region.

Key words: value, norm, law, pluralism, customary law, Islam, Shariah, justice

Введение

В условиях глобализации и модернизации возрастает социальная мобильность, дифференциация, усложняется пересечение различных индивидуальных и групповых интересов. Это актуализирует потребность совершенствования ценностно-нормативной системы регулирования социальных отношений. В данной статье ставится цель раскрыть ценностное отношение к правовым нормам в период социально-политического кризиса и регионального конфликта на территории Чечни.

Объект исследования: социально-демографические и национальные группы населения.

Предмет исследования: ценностное предпочтение правовых норм в условиях регионального конфликта и поствоенного возрождения Чеченской Республики.

Цель: выявить ценностное отношение различных демографических и национальных групп к правовым нормам, роль и значение правового плюрализма в поликультурном и поликонфессиональном региональном сообществе.

Научная новизна состоит в изучении предпочтения различными группами населения норм обычного права, шариата, светского юридического права в контексте правового плюрализма в условиях регионального кризиса и конфликта.

Ценностное предпочтение норм можно определить как желание субъекта, отдельного индивида или группы, регулирования социальных отношений, споров и конфликтов на основе правового плюрализма, свободы выбора правовой системы в соответствии с их ценностными представлениями, идейно-нравственными принципами, мировоззренческими установками.

Материалы и метод. В исследовании применялись принципы историзма, объективности, сравнения, а также социокультурный и конфликтологический подходы. Они позволили учесть взаимосвязь культурного и религиозного, ценностных представлений о разных правовых системах, влияние плюрализма культурного, конфессионального и правового на устройство и протекание социальной и общественно-политической жизни в регионе. В исследовании использовались методы количественного анализа, блоки вопросов об отношении к типам правовых норм, ценностной ориентации, состоянии социально-политической ситуации включались в проводимые социологические опросы. Ценностное предпочтение норм соотносилось с демографическими, мировоззренческими, идентификационными параметрами.

В социологическом анализе также были определены типичные группы для более глубокого проникновения в ценностный выбор социально-правовых норм. Это «традиционалисты», приверженцы обычаев и традиций, «модернисты», сторонники изменения социальной среды, ситуации. Группы национально-традиционной и национально-гражданской идентификации.

В июне 1991 г. в Чечено-Ингушетии было проведено исследование «Интересы разнонациональных групп занятого населения». Объём репрезентативной выборки – 1575 чел.; доверительный интервал – 2,46%.

В 2003 г. было проведено исследование «Интересы, нормы, ценности в условиях регионального конфликта». Объём репрезентативной выборки чеченцев составил – 1096 чел., доверительный интервал – 2,96%, русских и других национальностей опрошено по 100 чел., доверительный интервал – 9,8%. В SPSS были созданы три отдельные базы данных.

В 2009 г. состоялось исследование «Социокультурные проблемы в период послевоенного восстановления и развития региона», объём репрезентативной выборки составил 1000 чел., доверительный интервал – 3,1%, контрольными признаками являлись пол, возраст, образование, национальность. В 2015, 2017 и 2018 гг. по социокультурной тематике были проведены исследования с объёмом репрезентативной выборки 750 чел., 834 и 538 чел. и доверительным интервалом 3,6% и 3,4%, 4,2%. Все опросы проводились по формализованному вопроснику в форме индивидуального интервью по месту жительства.

Обзор. Нормы придают социальному миру регулярность и предсказуемость, причём нормы различных культур, а также субкультур в рамках одного общества существенно различаются, что нормально для одного сообщества, может быть отклонением в другом [Гидденс, 2005].

Под социальными нормами понимается широкая совокупность формальных и неформальных «правил», средств регуляции и регламентации социального поведения людей [Нормы, 2017, 65]. Социальная норма служит предпосылкой упорядочения социальной жизни, организации форм общежития. Такая её роль просматривается во всех социальных культурах разных народов. Традиционная культура и чеченского народа стремилась поддерживать во всем извечный, освещённый традицией порядок [Хасбулатова, 2007, 340]. Существуют различные классификации социальных норм, выделяют нормы обычаев, морали, этикета, корпоративные, религиозные и правовые [Грандонян, 2013]. Между тем любой обычай – это воспринятый многими индивидами способ удовлетворения каждым из них какой-либо потребности [Бондырева, 2007, 44]. Социальные нормы выполняют функции: регулятивную, воспитательную, социализирующую, а также социального контроля [Калмыкова, Шайкова, 2015, 95].

В представлениях членов общества значимость нормы определяется её содержанием, ценностью справедливости [Социальная справедливость, 2016, 16]. Справедливость и право взаимосвязаны, соответствуют объективным потребностям общества, отражая логику и динамику объективных закономерностей развития социума [Семигин, 2009].

Реализация справедливости в конкретном обществе обусловлена уровнем его социального и культурного развития, системой ценностей, которые приняты в обществе и легализованы властью государства [Цыбулевская, Милушева, 2017]. В современных обществах практикуется правовой плюрализм с учётом сложной поликультурной реальности [Patrigani, 2016]. Целью правового плюрализма является определение сложной реальности в её нынешнем состоянии. Увеличение нормативного плюрализма открывает новые возможности для повышения рефлексивности и легитимности правового регулирования [Cutler, 2013].

В наше время ценности быстро меняются, социальные перемены со временем приводят к изменениям в понимании закона, а также в исполнении его предписаний и применении [Winston, Garry, 2012].

В целом этот процесс связан с изменением системы производства, лучше подготовлены к модернизации те, кто принял современную систему ценностей, которую внушают школа, молодёжное движение, СМИ [Мендра, 1998].

В обществах с развитой правовой системой многие аспекты жизни зависят от формальных юридических норм. В других обществах имеется больше возможностей для развития правового плюрализма и неформальных методов социального контроля [Ричардсон, 2013].

В развитии правового плюрализма выделяют период классический, охватывающий попытки колониальных империй внедрить правовые системы в колониальных обществах, и период, основанный на осознании того, что все современные общества стоят перед лицом правового плюрализма [Merly, 1988].

Однако во многих регионах развивающегося мира государству не хватает возможностей или легитимности для предоставления услуг правосудия значительным слоям населения. Эта ситуация особенно остра в странах Африки к югу от Сахары, где более 80% споров обрабатываются институтами обычного права [Giselle, 2013].

Свой путь применения разных правовых систем проделали и регионы России, в прошлом и сегодня на локальном уровне ряда регионов Поволжья и Северного Кавказа обращаются не только в официальные суды, но и к знатокам обычаев и мусульманского права для решения спорных и иных вопросов. Ценностная потребность обращения некоторой части населения к мусульманскому праву обусловлена наличием в нём двух типов авторитета: законодательного, которым обладает только Бог и интерпретационного, декларативного, которым обладают правоведы [Бернард, 2008, 179]. При этом важно подчеркнуть, что исламу свойственно неразделимость светских и духовных функций, стремление к сохранению неразделимости духовной и светской власти, религии и государства [Керимов, 2007, 377].

В исламской литературе свод норм – шариат определяют как совокупность предписаний, в нём взаимодействует сакральное и светское, религиозное и собственно юридическое начало [Сюкияйнен, 1997, 24].

Таким образом, социальные и правовые нормы вырабатываются в процессе длительного развития общества, они обновляются с изменением эпохи, с трансформацией социальных и культурных институтов. Многообразие культур обуславливает потребность в разных правовых системах и применения их на основе принципов плюрализма в социальной практике. В данной статье предпринята попытка раскрыть социально-исторические вехи и особенности ценностного предпочтения правовых норм в условиях конфликта и возрождения региона.

Результат исследования. Историко-правовая ретроспектива. Чеченское общество по ценностному предпочтению типов правовых норм условно можно подразделить на сторонников обычного права (адата), шариата и светского юридического права. Между группами предпочтения норм нет строгих разграничительных линий, тот или иной индивид в зависимости от ситуации и конкретных обстоятельств может обратиться к любой из обозначенных правовых систем, исходя из своих интересов и ожиданий. Соотношение пропорции этих сегментов может меняться, но в целом эта дифференциация сохраняется на протяжении столетий. В 16 и 17 веках, во время утверждения ислама, в разных территориальных обществах доминировала практика преимущественного применения норм обычного или шариатского права. В период функционирования теократического государства Имамат (1829–1859 гг.) на значительной территории Чечни и Дагестана преобладала юрисдикция официальных шариатских судов.

С присоединением чеченцев и ингушей к России значительную роль в регулировании общественных отношений стало играть российское имперское право [Арсанукаева, 2009, 104]. С 1860 г., то есть с момента учреждения в регионе российского военно-административного управления, начали действовать российские суды, а также функционировали суды адата и шариата. Сочетание разных правовых систем предусматривало разграничение судебно-правовых полномочий [Рассказов, Рассказов, 2014].

Вопрос о выборе типа системы правовых норм, как правило, актуализируется во время кризиса, обострения социальных противоречий, возникновения движений за социальные и политические перемены. В начале XX века, в первые годы советской власти, некоторое время и обычное, и мусульманское право действовали наряду с советским правом, нормы шариата использовались во многих мусульманских регионах страны. Однако в конце 20-х годов в политике государства происходят кардинальные изменения [Рассказов, Рассказов, 2014].

В годы советской власти религия была отделена от государства и образования, атеизм стал официальной идеологией, велась пропаганда против религии и традиций, обычаев.

Региональный социально-политический кризис. В Советском Союзе на рубеже XX и XXI вв. складывается критическая ситуация, возникают общественные и национальные движения, начинается процесс суверенизации союзных республик СССР и автономных республик РСФСР. После развала СССР бывшие социалистические республики вступают на путь независимого национального самоопределения [Идрисов, 2021, 129]. В Чечне в 1988–1991 гг. обостряются социальные и политические противоречия, возникает предконфликтная ситуация. Между тем конфликт – волевой или неизбежный результат неравенства между классами или социальными группами, или относительного лишения ожиданий группы и её реального положения в социальной структуре [Corradi, 2010].

Конфликт в регионе прошёл разные фазы развития, мирные и немирные, имели место две войны (1994–1996, 1999–2002). Во всех основных периодах возникновения и развития регионального конфликта проявлялась разная степень предпочтения видов правовых норм.

В предконфликтной ситуации в общественном мнении чеченцев отражалось социальное недовольство, ожидание установления справедливой системы социальных отношений. В ряду неотложных задач некоторыми воспринималось введение в судебную практику применения шариатских норм. Такое желание было вызвано сложившимся недоверием к официальным советским судам, частыми проявлениями необъективности и коррупции. Более того, простые люди полагали, что нормы

шариата сакральны, выражают волю Создателя, их применение в рассмотрении дел как бы априори обеспечит справедливость. Социологический опрос в июне 1991 года показал, что 41,3% чеченцев выступают за ориентацию на нормы шариата при урегулировании спорных, конфликтных вопросов, 1,7% предпочитают ориентироваться на нормы христианской морали, 44,6% – на традиции и обычаи, 25% – на юридические нормы.

Среди русских ситуация иная. За шариатские нормы высказались 4,8%, за христианские нормы морали – 5,4%, за традиции и обычаи – 40,8%, за юридические нормы – 56%.

Уместно отметить, что русские в равной степени не одобрили ориентацию на нормы шариата и канонические нормы христианства. Представители других национальностей, в основном исповедующие ислам, выразили мнение статистически близкое ко мнению чеченских респондентов. С августа 1991 года по 1994 год в республике происходят политические события, сопряжённые с дезорганизацией, ослаблением институтов управления и охраны правопорядка, ростом криминальности, отягощённые противоречиями между региональной и федеральной властью. В этот период постсоветское государственное и правовое строительство в республике было светским. Разительные коррективы внесла война (декабрь 1994 – август 1996), в 1995 году среди вооружённых групп сопротивления усилилось влияние ислама, его духовно и организационно мобилизующая роль, в воюющие отряды сопротивления вводились шариатские суды.

31 августа 1996 г. было заключено Хасавюртовское мирное соглашение между федеральным Центром и руководством вооружённого сопротивления Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ), в регионе осуществлялись меры по дальнейшей исламизации республики. Парламентом ЧРИ 11 ноября 1996 г. был принят закон «О внесении изменений в Конституцию ЧРИ». В нём ислам объявлялся «государственной религией ЧРИ». В 1996 г. был принят Уголовный кодекс ЧРИ, скопированный с Уголовного кодекса Судана [Цекатунова, 2009].

В декабре 1996 г. Указом и.о. Президента ЧРИ З. Яндарбиева были учреждены в республике шариатские суды. В наспах сформированных шариатских судах не хватало квалифицированных судей, знатоков шариата и специалистов-помощников. Возраст некоторых судей составлял 22–23 года, им не доставало жизненного опыта и высокого уровня богословского образования. В судах накапливались нерассмотренные дела, а принимаемые решения не удовлетворяли многих заявителей.

В 2003 году в исследовании было предусмотрено выявить изменения в предпочтении норм регулирования спорных вопросов, определить уровень позитивного или негативного воздействия практики функционирования шариатских судов (1996–1999) на общественное мнение (таблица 1).

Таблица 1. Предпочтительные правовые нормы (2003, %)

Национальность	Шариат	Традиционные нормы	Юридические нормы	Затрудняюсь ответить
Чеченцы	15,9	33,2	39,4	11,5
Русские	2,0	11,1	71,7	14,1
Другие национальности	18,0	23,0	46,0	13
Вынужденные мигранты из Чечни в Ингушетии	33,1	34,7	23,4	8,9

За использование норм шариата высказалась примерно шестая часть опрошенных чеченцев на территории Чечни, на территории Ингушетии более трети вынужденно перемещённых лиц, довольно высок процент поддерживающих юридические нормы (39,4 – 71,7%) среди чеченцев, русских и представителей других национальностей.

В исследовании также ставилась задача выявить корреляцию ценностного предпочтения норм с полом, образованием, национальной и гражданской идентификацией респондентов (таблица 2).

Таблица 2. Предпочтительные нормы регулирования спорных вопросов (2003, %)

Чеченцы	Нормы шариата	Нормы адата	Юридические нормы	Затрудняюсь ответить
Мужчины	18,5	31,9	42,5	6,7
Женщины	13,6	34,8	36,9	14,6
Образование начальное, незаконченное среднее	22,6	24,8	39,6	12,9
Образование среднее и высшее	13,7	35,4	39,1	11,4
Национально-традиционная идентичность	21,6	37,1	30,6	10,4
Национально-гражданская идентичность	10,2	30,1	48,4	11,3

В отношении предпочитаемых мужчинами и женщинами норм нет статистически значимой разницы, минимальное различие составляет 2,9%, максимальное – 5,6%, но заметное различие просматривается по признаку образования и идентификации.

Социально-правовые нормы являются составным компонентом общественного устройства, регулирования социальных отношений и противоречий интересов индивидов и групп. На протяжении ряд лет отслеживается динамика изменения в регионе ценностно-правовых установок (таблица 3).

Таблица 3. Динамика предпочтения норм регулирования спорных вопросов*(%)

Нормы	2003	2009	2015	2017	2018
Шариат	15,9	25,9	33,6	40,2	34,2
Адат (нормы обычая)	33,2	37,6	28,1	17,0	22,6
юридические	39,4	27,2	23,1	24,7	22,2
Затрудняюсь ответить	11,5	8,6	15,2	15,4	21,0
Не желаю отвечать	0	0,7	0	2,7	0

*Ответы чеченских респондентов.

В 2018 году процент респондентов, затрудняющихся сделать выбор, весьма значителен, в 2003 г. их число составляло более 10-й части, через 15 лет – уже пятую часть. При этом произошёл двукратный рост предпочитающих использование шариатских норм, но уменьшилось количество сторонников применения норм адата, т.е. обычного права, на 10,6%, снизилось число поддерживающих регулирование вопросов юридическими нормами на 17,2%.

Обсуждение. Чеченское общество проделало сложный путь становления правового плюрализма, вначале в системе обыденного права, затем через взаимодействие адата и шариата. В последующем в условиях параллельного действия наряду с указанными правовыми системами российского имперского, советского и постсоветского российского права.

Отличительной региональной особенностью правового плюрализма в современной России является то, что решения по нормам адата и шариата не имеют

юридической силы, являются «рекомендациями», «гражданским» регулированием спорного вопроса, инструментом согласования интересов. В то же время правовой плюрализм допущен не из-за политических соображений как временное явление с узаконенными официальными функциями во второй половине 19 века и в начале советского строительства в стране. Это проявление демократизма, стратегии современной внутренней политики России. Возможно, в перспективе будет придана юридическая сила, скажем, решениям по шариату в форме утверждения их мировым или районным судьёй или будут установлены виды дел, по которым шариатским судам предоставят официальную юридическую функцию. В пользу придания юридического статуса шариатским судам высказываются некоторые богословы, юристы и исследователи. Равно как не исключается в среднесрочной и отдалённой перспективе возникновение местных общественных судов, состоящих из юриста, богослова, психолога, социального педагога и социального работника и т.п. для рассмотрения спорных вопросов в локальных сообществах по месту жительства.

В некоторых странах складывается подобная практика. Так, например, на территории Великобритании действует не менее 85 шариатских судов (преимущественно при мечетях), которые занимаются семейными и денежными конфликтами. Решения таких неофициальных судов становятся законными в случае их утверждения британским судом [В Великобритании, 2021].

Основная проблема сегодня не в том, что в некоторых поликультурных регионах и в Чечне нормы адата, шариата востребованы наряду со светскими юридическими законами, а в том, что в связи с низким уровнем правовой культуры наблюдается правовая и ценностная маргинализация некоторой части населения.

Отношение населения к нормам и ценностям меняется в зависимости от социально-политических изменений и социального опыта. В исследовании ставилась задача выявить изменения в отношении людей к различным ценностям. Эксперты считают (2009), что незначительно и значительно улучшилось отношение к ценностям религиозным – 66,6%, нравственным – 51,8%, правовым – 33,3%. Общий индекс изменений составил соответственно 0,86 – 0,67 – 0,48. Итак, индекс улучшения отношения к религиозным ценностям высок, а индекс улучшения отношения к ценностям нравственным и правовым – низок.

В целом отношение к религиозным ценностям и нормам мусульманского права – шариату – не совпадает, религиозные ценности более устойчивы и достаточно независимы, а отношение к нормам – более чувствительный и рефлексивный индикатор. Об этом свидетельствует динамика показателей отношения к социально-правовым нормам.

По сравнению с 1991 годом, в 2003 году (через 12 лет) респонденты чеченской национальности в 2,5 раза реже высказывали предпочтение нормам шариата (15%). Такое снижение данного показателя было связано не с фундаментальными изменениями в структуре правовых представлений населения, а с конкретным негативным опытом судопроизводства с применением шариатских норм в условиях послевоенной дезорганизации и разрушения социально-экономической инфраструктуры. Однако в 2009 году уже 25% опрошенных чеченцев указали на предпочтительность шариатских норм, в 2018 году – 34,2%.

Таким образом, социологический мониторинг показывает, что чеченскому общественному сознанию присуще устойчивое ценностное восприятие норм регулирования социального поведения и спорных, конфликтных вопросов, предполагающее плюралистическое сочетание норм обычного права (адата), шариата и юридических. Пропорциональное соотношение нормативных долей восприятия правовых систем может меняться, испытывать колебания под воздействием событий и переживаемых ситуаций, личного опыта, но сохраняется общая мировоззренческая и культурно-правовая ориентация. В рассматриваемый отрезок времени индикатором этих колебаний явились «социальное ожидание» в предконфликтной ситуации и «социальное разочарование» в постконфликтной ситуации.

В исследовании были выделены группы традиционалистов, выступающих за сохранение прошлого опыта, традиций и обычаев, и модернистов, сторонников обновления, изменения социальной ситуации, а также носителей национально-

традиционной идентичности и национально-гражданской идентичности. Здесь неожиданным оказалось то, что и традиционалисты, и модернисты придерживаются одинаковых ценностных ориентиров, т.е. тяготеют к стратегии традиционализма. Это просматривается и в отношении к типам правовых норм, предпочтении вариантов урегулирования спорных и конфликтных вопросов. За предпочтительность норм обычного права, шариата высказались традиционалисты (2003) – 15,7% и 31,0%, модернисты – 16,3% – 35,3%.

Однако более существенна разница в предпочтении правовых норм между респондентами национально-традиционной и гражданской идентификации. Национально-традиционной идентичности присуща предрасположенность к нормам обычного права – 37,1%, шариата – 21,6%, юридическим – 30,6%, гражданской идентичности – соответственно 30,1%, 10,2%, 48,4%.

Поддержка светской юридической нормативности будет расти по мере формирования гражданской идентичности, её «ресурс» может быть реализован при осознании смысла гражданства и подтверждения их реальности жизненной практикой [Межнациональное согласие, 2018].

Заключение. Региональная общность ЧР полиэтнична и поликонфессиональна, её состав сильно изменился после конфликта, двух войн и вынужденной миграции, чеченцы составляют 95,6% [Юсупов, 2016]. Этим обусловлено протекание социокультурных процессов преимущественно в чеченской среде. В предконфликтной, конфликтной и постконфликтной ситуации культурные и религиозные ценности проявились как относительно самостоятельный феномен и не меняются быстро под воздействием внутренних и внешних факторов. Ценностное отношение к нормам рефлексивно, и во многом зависит не только от возраста, образования индивида, но и в значительной степени – от социальной практики, личного жизненного опыта, стабильности или нестабильности, социальных ожиданий и разочарований.

Правовой плюрализм представляет собой учёт в государственной социальной и религиозной политике, во-первых, социокультурного и профессионального многообразия, во-вторых, запросов и потребностей верующих и граждан, в-третьих, обеспечение свободы выбора, в-четвертых, предоставление в регионах возможностей достижения межличностного и группового согласия в конфликтных ситуациях. Конструкция плюрализма правовых систем может быть усовершенствована на основе осмысления собственного исторического опыта дореволюционной России и первых лет советской власти, а также зарубежных стран Африки и Великобритании.

Плюрализм правовых систем не усложняет, а упрощает решение многих спорных и иных вопросов повседневной жизни, обеспечивает оперативность в разрешении волнующих оппонентов проблем, снимает нагрузку с официальных районных судов и мировых судей, усиливает социальную самоорганизацию местных сообществ.

В исследовании установлена очень слабая положительная корреляция по Спирмену с полом и слабая положительная – с возрастом и образованием, а также заметная предрасположенность респондентов гражданской идентификации к светским юридическим нормам по сравнению с национально-традиционной идентификацией.

Чеченское правосознание характеризуется как совокупность представлений, отражающих социальные отношения сквозь призму норм адата, шариата и светского официального права [Юсупов, 2000]. Отношение к нормам – явление не постоянное, имеет маятниковое колебание в разные периоды развития конфликта и послевоенного возрождения региона. С определением во внутренней региональной политике религиозно-традиционной линии духовно-нравственного воспитания в обществе наметилась новая волна увеличения приверженцев норм шариата, особенно среди части молодёжи. Однако рост благополучия, укрепление гражданских институтов, снижение уровня коррупции в правоохранительных структурах и официальных судах приведёт к росту авторитета юридических законов и государственного судопроизводства.

Обозначенная тема предусматривает продолжение социологического мониторинга ценностного отношения к нормам разных правовых систем и особенностей

функционирования правового плюрализма в регионе. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности региональных и муниципальных институтов управления, религиозных организаций и других общественных объединений, учреждений культуры и образования.

Библиографический список

1. Арсанукаева, М.С. Обычное право чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в. / М.С. Арсанукаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – № 3. – С. 101–111.
2. Бернард, Дж. Вайсс. Дух мусульманского права / Дж. Вайсс Бернард; Пер. с англ. – СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2008. – С. 10.
3. Бондырева, С.К. Традиция: стабильность и преемственность в жизни общества: Учеб. пособие / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – 2-е изд., стер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж; Изд-во НПО «МОДЭК», 2007. – 280 с.
4. В Великобритании действует около 85 шариатских судов [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/13321> (дата обращения 29.07. 2021).
5. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс, при участии К. Бердсолл; Пер. с англ. – Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632с.
6. Грандонян, К.А. Социальная ценность права в России в условиях глобализации / К.А. Грандонян // Гражданское общество и правовое государство. – 2013. – Т. 13. – С. 115–117.
7. Идрисов, А.Ж. Религия и проблема новых идентичностей в современном мире / А.Ж. Идрисов // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 126–135.
8. Казенин, К. Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа / К. Казенин // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 234–264.
9. Калмыкова Е.А. Восприятие правовых норм несовершеннолетними правонарушителями / Е.А. Калмыкова, М.В. Шайкова // Дельта науки. – 2015. – № 1. – С. 95–99.
10. Керимов, Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности / Г.М. Керимов. – СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2007. – 512 с.
11. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – 552 с.
12. Мендра, А. Основы социологии: Учебное пособие для вузов / А. Мендра / Пер. с французского Е.О. Пучковой. – М.: Издательский дом NOTA BENE, 1998. – 344 с.
13. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям: Монография / Р.Н. Абрамов, А.В. Быков, К.А. Гаврилов и др.; отв. ред. И.Ф. Девятко и др. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. – С. 65.
14. Рассказов Л.П. Роль шариата и адата в правовом регулировании общественных отношений на Северном Кавказе в дореволюционный, советский и постсоветский периоды / Л.П. Рассказов, В.Л. Рассказов // Философия права. – 2014. – № 5. – С. 73–77.
15. Ричардсон, Дж.Т. Социальное конструирование правового плюрализма / Дж.Т. Ричардсон // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 40–62.
16. Семигин, Г.Ю. Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия / Г.Ю. Семигин // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 72–82.
17. Социальная справедливость в русской общественной мысли: Монография / Отв. ред. Ю.Б. Епихина. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – С. 16
18. Сюкияйнен, Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Институт государства и права Российской Академии Наук, 1997. – 48 с.
19. Хасбулатова, З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции, XIX – начало XX вв. / З.И. Хасбулатова. – М., 2007. – С. 340.
20. Цекатунова, Л.Б. История принятия уголовного кодекса Чеченской Республики / Л.Б. Цекатунова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 10. – С. 169–171.
21. Цыбулевская О.И. Справедливость в праве: аксиологический подход / О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17. – № 5. – С. 52–59.
22. Юсупов, М.М. Ислам в социально-политической жизни ЧР / М.М. Юсупов // Кавказ и Центральная Азия. – 2000. – № 2. – С. 164–171.
23. Юсупов, М.М. Ценность отношений в межэтническом взаимодействии / М.М. Юсупов // Социология и социальная антропология. – 2016. – Т. XIX. – № 2. – С. 129–142.

24. Corrad, G. Advancing human rights in legally plural Africa: the role of development actors in the justice sector / G. Corrad // *Afrika focus*. – 2013. – Vol. 26. – No. 1. – P. 89–98.
25. Corradi, C. Conflict, violence and civil society: an attempt at understanding violence in modernity. (a cura di) P. Baert, S.M. Koniordos, G. Procacci and C. Ruzza, *Conflict, Citizenship and Civil Society* / C. Corradi. – LONDON: Routledge, 2010. – P. 163–182.
26. Cutler, A.C. Legal Pluralism as the “Common Sense” of Transnational Capitalism [Электронный ресурс] / A.C. Cutler // *Oñati Socio-legal Series* [online]. – 2013. – No. 3 (4). – P. 719–740. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2327501> (дата обращения 15.07.2022).
27. Merry, S.E. Legal Pluralism / S.E. Merry // *Law and Society Review*. – 1988. – Vol. 22. – P. 869–896.
28. Patrigani, E. Legal Pluralism as a Theoretical Programme [Электронный ресурс] / E. Patrigani // *Oñati Socio-legal Series*. – 2016. – Vol. 6. – No. 3. – P. 707–725. – URL: <http://ojs.ijssj.net> (дата обращения 20.07.2022).
29. Nagan, W.P. The Mother’s Service Society [Электронный ресурс] / W.P. Nagan, G. Jacobs. // *India*. – 2012. – Vol. I. – Is. 4. – URL: www.cadmusjournal.org; www.worldcademy.org; www.newwelfare.org (дата обращения 13.07.2022).

Текст поступил в редакцию 26.07.2022.
 Принят к публикации 19.09.2022.
 Опубликовано 29.12.2022.

References

1. Arsanukaeva M.S. *Pravo. Zhurnal Vysheĭ shkoly ėkonomiki* [The Right. Journal of the Higher School of Economics]. 2009, no. 3, pp. 101–111 (in Russian).
2. Bernard J. Weiss. *Dukh musul'manskogo prava* [Spirit of Muslim Law]. St. Petersburg: DILYA Publ., 2008, 310 p. (in Russian).
3. Bondyreva S.K., Kolesov D.K. *Traditiya: stabil'nost' i preemstvennost' v zhizni obshchestva: Ucheb. posobie* [Tradition: Stability and Continuity in the Life of Society: Textbook]. Moscow: Izdatel'svo Mskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh; Izdatel'stvo NPO «MODEK», 2007, 210 p. (in Russian).
4. *V Velikobritanii deystvuyet okolo 85 shariatskikh sudov* [There are about 85 Sharia courts in the UK]. Available at: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/13321> (accessed on 29.07. 2021) (in Russian).
5. Giddens E., Berdsoł K. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS, 2005, 632 p. (in Russian).
6. Grandonian K.A. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo*. [Civil society and the rule of law]. 2013, vol. 13, pp. 115–117 (in Russian).
7. Idrisov A.Zh. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2021, no. 4, pp. 126–135 (in Russian).
8. Kazenin K. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017, no. 3, pp. 234–264 (in Russian).
9. Kalmykova E.A., Shaikova M.V. *Del'ta nauki* [Delta Science]. 2015, no. 1, pp. 95–99 (in Russian).
10. Kerimov G.M. *Shariat: Zakon zhizni musul'man. Otvetny Shariata na problemy sovremenosti* [Shariah: The Law of Life of Muslims. Responses of the Shariah to the problems of modernity]. St. Petersburg: DILYA Publ., 2007, 512 p. (in Russian).
11. *Mezhnatsional'noe soglasie v obshcherossiiskom i regional'nom izmerenii. Sotsiokul'turnyy i religioznyĭ konteksty* [Inter-ethnic Council in All-Russian and Regional Dimension. Socio-cultural and religious contexts]. Ed. L.M. Drobizheva. Moscow: FNISTS RAN, 2018, 552 p. (in Russian).
12. Mendra A. *Osnovy sotsiologii: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Fundamentals of Sociology: Textbook for universities]. Moscow: Izdatel'skii dom NOTA BENE, 1998, 344 p. (in Russian).
13. *Normy i moral' v sotsiologicheskoi teorii: ot klassicheskikh kontseptsii k novym ideyam* [Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Concepts to New Ideas]. R.N. Abramov, A.V. Bykov, K.A. Gavrilov et al.; ed. by I.F. Devyatko et al. Moscow: Ves' Mir Publ., 2017, 286 p. (in Russian).
14. Rasskazov L.P., Rasskazov V.L. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. 2014, no. 5, pp. 73–77 (in Russian).
15. Richardson J.T. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2013, no. 2, pp. 40–62 (in Russian).
16. Semigin G.Yu. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, no. 3, pp. 72–82 (in Russian).
17. *Sotsial'naya spravedlivost' v russkoi obshchestvennoi mysli: monografiya* [Social justice in Russian social thought: monograph]. Ed. B. Epikhina. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2016, 191 p. (in Russian).
18. Sykiäinen L.R. *Shariat i musul'mansko-pravovaya kul'tura* [Shariah and Muslim-legal culture]. Moscow: Institut gosudarstva i prava Rossiiskoi Akademii Nauk, 1997, 48 p. (in Russian).
19. Khasbulatova Z.I. *Vospitanie detei u chechentsev: obychai i traditsii, XIX – nachalo XX vv.* [Upbringing of Children at the Chechens: Customs and Traditions, 19th – beginning of the 20th centuries]. Moscow, 2007, 415 p. (in Russian).

20. Tsekatunova L.B. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2009. no. 10, pp. 169–171 (in Russian).
21. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Vestnik of the Volga Institute of Management]. 2017, vol. 17, no. 5, pp. 52–59 (in Russian).
22. Yusupov M.M. *Kavkaz i Tsentral'naya Aziya* [Caucasus and Central Asia]. 2000, no. 2, pp. 164–171 (in Russian).
23. Yusupov M.M. *Sotsiologiya i sotsial'naiya antropologiya* [Sociology and social anthropology.]. 2016, vol. XIX, no. 2(85), pp. 129–142 (in Russian).
24. Corrad G. Advancing human rights in legally plural Africa: the role of development actors in the justice sector1. *Afrika focus*. 2013, vol. 26, no. 1, pp. 89–98 (in English).
25. Corradi C. Conflict, violence and civil society: an attempt at understanding violence in modernity in P. Baert, S.M. Koniordos, G. Procacci and C. Ruzza. *Conflict, Citizenship and Civil Society*. London: Routledge, 2010, pp. 163–182 (in English).
26. Cutler A.C. Legal Pluralism as the “Common Sense” of Transnational Capitalism. *Oñati Socio-legal Series* [online], 2013, no. 3 (4), pp. 719–740. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2327501> (accessed on January 6, 2020) (in English).
27. Merry S.E. Legal Pluralism. *Law and Society Review*. 1988, vol. 22, pp. 869–896 (in English).
28. Patrigani E. Legal Pluralism as a Theoretical Programme. *Oñati Socio-legal Series*. 2016, vol. 6, no. 3, pp. 707–725. Available at: <http://opo.iisj.net> (accessed on January 6, 2020) (in English).
29. Nagan W.P., Jacobs G. The Mother’s Service Society. *India*. 2012, vol. I, iss. 4. Available at: www.cadmusjournal.org; www.worldacademy.org; www.newwelfare.org (accessed on January 7, 2020) (in English).

Submitted for publication: July 26, 2022.
Accepted for publication: September 19, 2022.
Published: December 29, 2022.